ИНТЕГРАЦИЯ И БЕЗОПАСНОСТЬ В СТРАНАХ АЗИАТСКОГО РЕГИОНА

INTEGRATION AND SECURITY IN ASIAN REGION

Научная статья / Research Article
УДК 316.4
DOI: 10.14258/SSI(2026)3–01

Социокультурная интеграция трудовых мигрантов из постсоветских стран в принимающее сообщество России в контексте евразийской интеграции

Татьяна Николаевна Юдина

Институт социальной демографии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия,
ioudinatn@mail.ru; https://orcid.org/0000-0001-7785-8601

Аннотация. Цель статьи заключается в выявлении ключевых аспектов социокультурной интеграции трудовых мигрантов из постсоветских государств в российское принимающее общество, а также в сравнительном анализе интеграционных процессов в зависимости от страны происхождения в контексте современной повестки евразийской интеграции.

Методология исследования основана на многомерной операционализации понятия «интеграция», охватывающей пять самостоятельных измерений: языковые ресурсы, оцениваемые по четырем видам речевой деятельности; участие в жизни местного сообщества; межгрупповые социальные контакты; культурное «мостостроительство», выраженное во взаимных приглашениях на праздники; долгосрочные ориентации, включая установку на получение российского гражданства. Такой подход позволяет выявить внутреннюю несинхронность интеграционных процессов и избежать их сведения к единому интегральному показателю. Эмпирическую базу исследования составили данные стандартизированного анкетного опроса трудовых мигрантов из семи постсоветских стран. Межстрановые различия анализировались с применением статистических процедур сравнения групп.

Результаты исследования свидетельствуют о выраженной асимметрии отдельных измерений интеграции. Наиболее высокие показатели зафиксированы в сфере языковых компетенций и долгосрочных ориентаций, связанных с закреплением в России и получением гражданства. В то же время участие в локальных мероприятиях и повседневная включенность в жизнь местного сообщества выражены существенно слабее. Межгрупповые контакты и практики культурного взаимодействия с принимающим населением распространены более чем среди половины опрошенных. Сравнение страновых групп не выявило устойчивой связи между членством страны происхождения мигрантов в ЕАЭС и уровнем их социокультурной интеграции. Различия внутри группы государств — членов ЕАЭС сопоставимы с различиями между группами или превышают их, а институциональная асимметрия правовых режимов не находит автоматического отражения в повседневных интеграционных практиках.

Сделан вывод о том, что социокультурная интеграция трудовых мигрантов из постсоветских стран представляет собой многомерную и внутренне противоречивую конфигурацию, в рамках которой языковые компетенции и долгосрочные ориентации опережают локальную включенность. Полученные результаты позволяют рассматривать постсоветскую трудовую миграцию не только как временную занятость, но и как потенциально долгосрочное оседание. Они также указывают на необходимость дифференцированной интеграционной политики, учитывающей разрывы между отдельными измерениями интеграции.

Ключевые слова: трудовая миграция, социокультурная интеграция, постсоветское пространство, евразийская интеграция, аккультурация, социальные контакты, языковые ресурсы, миграционная политика, культурное «мостостроительство»

Для цитирования: Юдина Т. Н. Социокультурная интеграция трудовых мигрантов из постсоветских стран в принимающее сообщество России в контексте евразийской интеграции// Society and Security Insights. 2026. Т. 9, № 3. С. 13–36. doi: 10.14258/ssi(2026)3–01

Sociocultural Integration of Labor Migrants from Post-Soviet Countries into Russian Host Society in the Context of Eurasian Integration

Tatyana N. Yudina

Institute of Social Demography, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, ioudinatn@mail.ru; https://orcid.org/0000-0001-7785-8601

Abstract. The article aims to identify the key aspects of the sociocultural integration of labor migrants from post-Soviet countries into Russian host society and to conduct a comparative analysis of integration processes by country of origin in the context of the current Eurasian integration agenda.

The study employs a multidimensional operationalization of integration encompassing five distinct dimensions: language proficiency assessed across four language skills; participation in

local community life; intergroup social contacts; cultural "bridging," manifested in reciprocal invitations to celebrations; and long-term orientations, including the intention to acquire Russian citizenship. This approach makes it possible to identify the internal asynchrony of integration processes and avoids reducing them to a single composite indicator. The empirical analysis is based on data from a standardized questionnaire survey of labor migrants from seven post-Soviet countries. Cross-country differences were examined using statistical group-comparison procedures.

The findings reveal a pronounced asymmetry among the individual dimensions of integration. The highest levels were recorded for language proficiency and long-term orientations associated with permanent settlement in Russia and the acquisition of Russian citizenship. By contrast, participation in local events and everyday involvement in community life were substantially less pronounced. Intergroup contacts and practices of cultural interaction with the host population were reported by more than half of the respondents. The comparison of country groups revealed no consistent relationship between migrants' country of origin being a member of the Eurasian Economic Union (EAEU) and their level of sociocultural integration. Differences within the group of EAEU member states were comparable to, or greater than, differences between country groups, while the institutional asymmetry of legal regimes did not automatically translate into everyday integration practices.

The study concludes that the sociocultural integration of labor migrants from post-Soviet countries constitutes a multidimensional and internally contradictory configuration in which language proficiency and long-term orientations outpace involvement in local community life. The findings suggest that post-Soviet labor migration should be viewed not only as temporary employment but also as a potential pathway to long-term settlement. They further highlight the need for differentiated integration policies that take into account the gaps between individual dimensions of integration.

Keywords: Labour Migration, Sociocultural Integration, Post-Soviet Space, Eurasian Integration, Acculturation, Social Contacts, Language Resources, Migration Policy, Cultural Bridge-Building

For citation: Yudina, T. N. (2026). Sociocultural Integration of Labor Migrants from Post-Soviet Countries into Russian Host Society in the Context of Eurasian Integration. *Society and Security Insights, 9*(3), 13–36. (In Russ.). doi: 10.14258/ssi(2026)3–01

Введение

Миграция из постсоветских стран в современную Россию представляет собой не только канал перераспределения рабочей силы, но и механизм формирования социального пространства, в котором пересекаются экономические интересы, культурные практики, языковые режимы, идентификационные стратегии и правовые траектории включения в принимающее общество. В научной литературе миграционные процессы нередко рассматриваются преимущественно сквозь призму занятости, денежных переводов, демографической нагрузки, адаптации на рынке труда и государственного регулирования мобильности. Однако такая исследовательская рамка недостаточна, если задача состоит в оценке интеграции как повседневного опыта. В этом случае значимы восприятие принимающей страны, соотнесение собственной культурной принадлежности с новыми

социальными условиями и жизненные стратегии, выстраиваемые в перспективе долгосрочного пребывания.

Проблематика особенно значима для постсоветского пространства: соответствующие миграционные потоки формируются внутри исторически сложившегося макрорегиона с общим политическим, культурным, языковым и институциональным наследием. В этом контексте евразийская интеграция не может рассматриваться исключительно как совокупность межгосударственных соглашений, решений наднациональных органов или экономических режимов. Она проявляется на микроуровне — в биографиях мигрантов, в моделях повседневного общения, в доступе к инфраструктурам труда и жизни, в символическом освоении пространства и в практиках культурного сосуществования. Анализ социокультурного измерения миграции позволяет поэтому описать евразийскую интеграцию «снизу» — в повседневно-социальной, а не только нормативно-институциональной форме.

Значимость темы определяется, во-первых, масштабом миграционной мобильности между постсоветскими странами и Россией, устойчиво воспроизводящейся на протяжении трех десятилетий. Во-вторых, перемещения из постсоветских стран разворачиваются в пространстве, где русский язык сохраняет функции языка межэтнического общения, а советское и постсоветское прошлое создает особую инфраструктуру культурной узнаваемости. В-третьих, актуальность теме придает противоречие между управленческими представлениями о миграции и результатами эмпирических исследований. Административный и общественный дискурс нередко исходит из модели временного трудового пребывания, предполагающей ограниченную включенность мигранта в принимающее общество. Данные предыдущих исследований указывают на более сложную картину: значительная часть респондентов ориентирована не только на занятость, но и на долгосрочное закрепление в России и получение российского гражданства (Осадчая и др., 2025; Юдина, 2026). Изучение социокультурных измерений миграции имеет поэтому не только теоретическое, но и прикладное значение: оно позволяет уточнить представления о характере интеграции при разработке мер миграционной политики. В-четвертых, при значительном объеме экономических исследований миграции социокультурная интеграция концептуализируется преимущественно в логике многомерных моделей. Модель аккультурации Дж. Берри рассматривает ориентацию на сохранение культуры происхождения и ориентацию на участие в культуре принимающего общества как две относительно независимые оси (Berry, 1997). Концепция суперразнообразия С. Вертовца показывает, что правовой статус и канал въезда образуют самостоятельные оси дифференциации мигрантского населения, что и делает осмысленным сопоставление семи страновых групп в разных правовых режимах (Vertovec, 2007). Транснациональная перспектива А. Портеса, Л. Гуарнизо и П. Ландольт позволяет не считать сохраняющиеся связи со страной происхождения противоположностью интеграции (Portes, 1999), а схема А. Эйджера и А. Стрэнг разводит сферы достижений, социальные связи и «фасилитаторы» — язык, знание общества,

права и гражданство (Ager, 2008). Опираясь на критический подход С. Спенсер и К. Чарсли, следует отказаться от рассмотрения процесса включения как нормативного и линейного явления (Spencer, Charsley, 2021).

Мы исходили из того, что дизайн исследования определяет, какие именно утверждения мы можем обоснованно сделать на основе данных. Рекрутирование респондентов методом «снежного кома», формализованное Л. Гудманом (Goodman, 1961), и близкие подходы к труднодостижимым группам, систематизированные Д. Хекаторном (Heckathorn, 1997), дают неслучайные выборки, смещенные в пользу включенных в плотные земляческие сети. Согласно Д. Райхель и Л. Моралес (Reichel, Morales, 2017), полевые методы сбора данных среди мигрантов в условиях отсутствия генеральной совокупности позволяют проводить лишь дескриптивные и поисковые исследования. Экстраполяция полученных результатов на всю популяцию мигрантов в данном случае методологически некорректна.

Состояние изученности проблемы в отечественной социологии позволяет опереться на сложившуюся систему индикаторов и на сопоставимые эмпирические исследования. Монография под редакцией В. И. Мукомеля и К. С. Григорьевой систематизирует индикаторы адаптации и интеграции мигрантов в России (Мукомель, Григорьева, 2022); Е. А. Варшавер и А. Л. Рочева разводят культурный, структурный, социальный и идентификационный аспекты интеграции и роль общих и специальных мер политики (Варшавер, Рочева, 2016). А. А. Эндрюшко на основе сравнительного анализа интеграции мигрантов из Азербайджана и других постсоветских стран (что ближе всего к аналогу нашего дизайна исследования) показала, что длительность проживания сама по себе не выступает фактором интеграции, действуя лишь совместно с релевантными условиями и ресурсами (Эндрюшко, 2024). Ю. Ф. Флоринская зафиксировала подвижность ориентаций на долгосрочное оседание в московском регионе (Флоринская, 2023); В. Ю. Леденева и Р. Р. Назаров показали особенности адаптации узбекистанцев на московском рынке труда в контексте возможного углубления интеграции Узбекистана с ЕАЭС (Леденева, Назаров, 2024); А. А. Гребенюк, В. А. Протасова и А. А. Аверьянов — установки мигрантов из Центральной Азии в отношении интеграционных объединений (Гребенюк, 2024); Н. Д. Трегубова, А. М. Степанов и П. П. Лисицын сопоставили образы нации в мигрантских онлайн-сообществах пяти постсоветских стран (Трегубова, 2023); А. Р. Салимгараева выделила стратегии совладания, включая интеграцию через посещение культурных мероприятий и опору на сети соотечественников (Салимгараева, 2021). Вместе с тем сопоставление нескольких измерений интеграции в одном массиве, охватывающем одновременно государства — члены ЕАЭС и государства вне режима трудовой мобильности Союза, остается редким, а межстрановые различия чаще описываются попарно и вне единой статистической рамки.

Объект исследования — трудовые мигранты из семи постсоветских государств (Азербайджан, Армения, Казахстан, Кыргызстан, Молдова, Таджикистан, Узбекистан), находящиеся в Москве и Московской области. Предмет — социокультурная интеграция этих мигрантов в принимающее сообщество, рассматриваемая

как конфигурация пяти измерений: языковых ресурсов, участия в жизни местного сообщества, межгрупповых социальных контактов, культурного «мостостроительства» и долгосрочных ориентаций, включая установку на гражданство.

Цель — на материалах авторского социологического исследования выявить ключевые аспекты социокультурной интеграции трудовых мигрантов из постсоветских государств в принимающее сообщество России и провести сравнительный анализ специфики интеграционных процессов в зависимости от страны исхода в рамках актуальной повестки евразийской интеграции».

Теоретико-методологические основания

Многомерное понимание интеграции принято нами как рабочее, однако требует оценки его аналитических возможностей и ограничений. Согласно подходу А. Эйджера и А. Стрэнг, процесс интеграции представлен как многоуровневая система с разной степенью динамики. В основании модели лежат права и гражданство, на которых надстраиваются инструменты адаптации (язык и знание среды), социальные сети и ключевые показатели (Ager, Strang, 2008).

Ее ограничение состоит в том, что она разрабатывалась для контекста приема беженцев в странах с развитой интеграционной инфраструктурой и не задает относительного веса доменов, поэтому здесь она используется как классификационный, а не измерительный инструмент. Из нее взяты четыре из пяти измерений: языковые ресурсы, локальное участие, социальные контакты и — в части прав — установка на гражданство.

Модель Дж. Берри снимает ложную дихотомию «сохранение своей культуры либо участие в культуре принимающего общества» и допускает одновременно высокие значения по обеим осям (Berry, 1997). Ее ограничение принципиально для использованного инструмента: стандартизированные аккультурационные шкалы в анкете не применялись, так что строгое определение аккультурационных стратегий невозможно. Поэтому типология стратегий в статье не строится, а модель используется только как рамка интерпретации культурного «мостостроительства», где приглашение россиян на собственные праздники фиксирует двунаправленность, а не отказ от культуры происхождения.

Часто стремление мигрантов переехать в другую страну или их тесное общение с земляками ошибочно записывают в «неудачную интеграцию». Однако транснациональный подход (Portes, 1999) доказывает обратное: такие действия — это не признак поражения, а осознанный выбор людей, живущих в глобальном мире. Ограничения данного подхода отмечают сами авторы: расширительное применение понятия рискует объявлять транснациональной любую связь со страной происхождения, поэтому рамка применяется только для интерпретации. Концепция суперразнообразия (Vertovec, 2007) обосновывает сравнение страновых групп при разных правовых режимах, но не предсказывает направления различий и не заменяет контроля переменных, которого настоящий дизайн не обеспечивает.

Критика понятия интеграции С. Спенсер и К. Чарсли принята как рефлексивная оговорка (Spencer, Charsley, 2021). Из нее следуют три ограничения формулировок: интеграция не рассматривается как односторонняя обязанность мигранта, поскольку три из пяти измерений (локальное участие, социальные контакты, культурные приглашения) описывают взаимодействие и зависят от доступности городской инфраструктуры и открытости принимающей среды; принимающее сообщество не считается гомогенным, поэтому «россияне» в формулировках анкеты означают лишь категорию, которой оперируют респонденты; более низкие значения по отдельному измерению не трактуются как дефицит или неуспех индивида.

Опора на отечественную методологию [Мукомель, Григорьева, 2022; Варшавер, Рочева, 2016] позволяет адаптировать инструментарий к национальному контексту и обеспечить преемственность исследований. Предложенная система индикаторов и многомерный подход к анализу интеграции дают возможность сопоставлять полученные результаты как с российскими, так и с международными эмпирическими данными (Эндрюшко, 2020).

Существенным для нас стало и предупреждение о том, что длительность проживания не является самостоятельным фактором интеграции и работает лишь в сочетании с релевантными условиями (Эндрюшко, 2024), поэтому наблюдаемые различия между страновыми группами нельзя объяснять ни длительностью пребывания, ни правовым режимом по отдельности.

Операционализация измерений выстроена следующим образом. Языковые ресурсы измеряются четырьмя самооценочными шкалами 1–5 (понимание, разговорная речь, чтение, письмо) с фиксацией доли оценок 4–5. Участие в жизни местного сообщества — единичным вопросом о частоте участия в мероприятиях по месту жительства с четырьмя вариантами, включая вариант неосведомленности. Межгрупповые социальные контакты — вопросом о том, с кем респондент чаще всего общается в свободное время. Культурное «мостостроительство» — вопросом о частоте приглашения местных жителей-россиян на собственные праздники и культурные события. Долгосрочные ориентации — вопросом о перспективе жизни респондента и его детей и отдельным вопросом о желании получить российское гражданство. Все пять измерений опираются на самоотчеты, что задает риск социальной желательности и не позволяет отождествлять заявленные ориентации с фактическим поведением.

Методика исследования

Эмпирическая база статьи — стандартизированный анкетный опрос, проведенный автором в Москве и Московской области; полевой этап продолжался с декабря 2025 г. по март 2026 г. Объем массива — 826 респондентов, граждане Азербайджана, Армении, Казахстана, Кыргызстана, Молдовы, Таджикистана и Узбекистана. Рекрутирование осуществлялось методом «снежного кома» с ориентацией на близкое по объему представительство семи страновых групп: их

доли лежат в интервале от 12,7% (Азербайджан) до 15,4% (Таджикистан). Это обеспечивает сопоставимую наполненность подгрупп для межстрановых сопоставлений, но означает, что агрегированные показатели не воспроизводят реальную структуру потока. Поэтому агрегированные проценты рассматриваются как характеристики достигнутого массива, близкие к невзвешенному среднему по семи группам, а не как оценки для совокупности трудовых мигрантов агломерации.

Выборка неслучайная, репрезентативность не заявляется, взвешивание не применялось: цепное рекрутирование переоценивает включенных в плотные земляческие сети и недооценивает изолированных и наиболее уязвимых, а при отсутствии основы выборки корректной остается описательная и поисковая рамка.

Как было отмечено выше, не фиксировался ряд параметров процедуры в исследовательской документации, которые невозможно восполнить гипотетическими допущениями. В материалах не отражены ключевые параметры выборки и процесса сбора данных: объем первичных контактов, интенсивность рекрутирования, показатель отказов, распределение респондентов по интервьюерам, язык проведения интервью, а также протоколы этической экспертизы и процедура информированного согласия.

Методы восполнения пропущенных значений не использовались: каждое распределение рассчитано по фактической базе ответивших, поэтому базы различаются между вопросами (от n = 783 в вопросе о перспективе семьи до n = 826 в вопросах о стране, регионе и языковых навыках). Все базы указаны при каждом показателе и сведены в таблицах 1 и 2. Перечисленное образует ограничение воспроизводимости, которое следует учитывать при использовании результатов и при попытках повторения дизайна исследования.

Аналитическая процедура включала частотные распределения по фактическим базам, двухмерные таблицы «страна × индикатор». Для сопоставимости по странам использовались бинаризованные индикаторы: оценки 4–5 по шкале разговорной речи; участие в местном сообществе «регулярно или иногда» против «не участвую или не знаю о мероприятиях»; смешанный или преимущественно российский круг общения против прочих вариантов; приглашение россиян «иногда или часто» против «никогда или не проводим праздники»; ответ «всей семьей остаться и закрепиться в России» против остальных вариантов; ответ «да» о гражданстве против «нет» и «затрудняюсь ответить». Причинные заключения не делаются: дизайн не контролирует длительность пребывания, образование, возраст, отрасль занятости, наличие семьи в России и историю циркулярной миграции.

Следует обозначить и ограничения исследования. Во-первых, выборка охватывает в основном столичный регион, что ограничивает возможность прямой экстраполяции на все регионы России. Во-вторых, стандартизированная анкета фиксирует уже структурированные ответы и потому в меньшей степени позволяет раскрыть внутреннюю мотивацию и биографическую сложность миграционного опыта.

Социально-демографический профиль выборки

Таблица 1
Table

Социально-демографическая структура массива и базы ответивших
Socio-demographic structure of the sample and the respondent base

Признак (база)	Категория	Число, чел.	Доля,%
Страна гражданства (n = 826)	Таджикистан (вне режима ЕАЭС)	127	15,4
	Казахстан (государство — член ЕАЭС)	124	15,0
	Узбекистан (наблюдатель; вне режима ЕАЭС)	122	14,8
	Кыргызстан (государство — член ЕАЭС)	120	14,5
	Молдова (наблюдатель; вне режима ЕАЭС)	115	13,9
	Армения (государство — член ЕАЭС)	113	13,7
	Азербайджан (вне режима ЕАЭС)	105	12,7
Регион проживания (n = 826)	Москва	472	57,1
	Московская область	354	42,9
Пол (n = 818; 8 пропусков)	Мужчины	546	66,7
	Женщины	272	33,3
Возраст (n = 825)	18–35 лет	481	58,3
	35–39 лет	95	11,5
	40–44 года	100	12,1
	45–49 лет	75	9,1
	50–54 года	36	4,4
	55–59 лет	19	2,3
	60–64 года	11	1,3
	65 лет и старше	8	1,0
Образование (n = 824)	Среднее специальное	297	36,0
	Общее среднее	226	27,4
	Высшее	212	25,7
	Неполное среднее	70	8,5
	Начальная школа	11	1,3
	Ученая степень	8	1,0
Год первого приезда в Россию (n = 825)	2020–2024	247	29,9
	2015–2019	178	21,6
	2000–2009	148	17,9
	2010–2014	132	16,0
	2025	73	8,8
	1991–1999	47	5,7

Примечание: Составлено автором по данным опроса (Москва и Московская область, декабрь 2025 — март 2026 гг.). Правовой режим указан по разделу XXVI Договора о ЕАЭС, официальной информации о статусе государства-наблюдателя и Федеральному закону № 115-ФЗ.

Анализ данных таблицы 1 свидетельствует о преобладании среди опрошенных лиц молодого трудоспособного возраста. Более половины респондентов (58,3%) — это люди до 35 лет, тогда как возрастная группа 60 лет и старше представлена минимально (2,3%). Молодой возрастной профиль позволяет предположить повышенную пластичность социальных стратегий, открытость к адаптации и большую чувствительность к возможностям, предоставляемым принимающим обществом. Проверить это предположение на имеющихся данных нельзя: перекрестные распределения возраста с долгосрочными ориентациями и установкой на гражданство не рассчитывались. Образовательный профиль смещен к среднему специальному и общему среднему уровням (36,0% и 27,4%), однако высшее образование указали 25,7% ответивших. Половая структура выборки характеризуется преобладанием мужчин (546 человек, 66,7% ответивших на этот вопрос, против 272 женщин, 33,3%). Такое соотношение согласуется с распространенным профилем занятости трудовых мигрантов в строительстве, на транспорте, в логистике и в сфере обслуживания. Вместе с тем доля женщин (треть ответивших) показывает, что миграционный поток не сводится к мужской трудовой мобильности: в нем могут быть представлены и семейные, и образовательные траектории. Выделить их на использованном инструменте невозможно, поскольку цель приезда и состав домохозяйства в анкете подробно не фиксировались.

Около двух пятых респондентов (39,6%) впервые приехали в Россию до 2015 г., т.е. имеют длительный опыт пребывания, интерпретировать который как самостоятельный фактор интеграции неправомерно (Эндрюшко, 2024). Вопрос об основаниях трудоустройства допускал несколько ответов и потому не образует распределения: патент среди оснований отметили 199 респондентов (24,1% от n = 826), что согласуется с составом массива, в котором граждане государств — членов ЕАЭС в патенте не нуждаются[1].

Относительно равномерное распределение респондентов по странам происхождения создает благоприятные условия для сравнительно-социологического анализа: оно позволяет описывать не только специфику одной доминирующей страновой группы, но и общие для семи групп закономерности. В совокупности эти данные характеризуют опрошенный массив как молодую и мобильную группу, вовлеченную не только в экономическую, но и в культурную адаптацию.

Результаты и обсуждение

Языковые ресурсы

Самооценки владения русским языком неравномерны по видам речевой деятельности. Оценки 4–5 по пятибалльной шкале дали 731 из 826 респондентов по пониманию (88,5%), 664 из 826 — по разговорной речи (80,4%), 601 из 824 — по чтению (72,9%) и 520 из 826 — по письму (63,0%). Разрыв между пониманием

---

[1] Договор о Евразийском экономическом союзе (подписан в г. Астана 29.05.2014). Раздел XXVI. Трудовая миграция, ст. 96–98. URL: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/36e/Razdel-XXVI-Dogovora.pdf (дата обращения: 29.07.2026).

и письмом — 25,5 процентного пункта: рецептивные и устные навыки распространены шире продуктивных письменных.

Результат имеет прямые следствия для трактовки языковых требований, усиленных Концепцией миграционной политики на 2026–2030 годы[2]: уязвимым звеном оказывается не устная коммуникация, а работа с письменным текстом — навык, необходимый для заполнения документов, понимания договоров и взаимодействия с электронными сервисами. Самооценка при этом не тождественна тестовому измерению и может как завышаться из соображений социальной желательности, так и занижаться при неуверенности в формальной грамотности. Утверждать отсутствие языкового барьера на этих данных нельзя; корректный вывод — барьер локализован преимущественно в письменной сфере. В сопоставлении с индикаторным подходом российских исследований (Мукомель, Григорьева, 2022) дифференциация языкового измерения по видам речевой деятельности оказывается информативнее сводного показателя «владеет / не владеет».

Высокие языковые самооценки не следует интерпретировать как показатель социокультурной интеграции в целом. Приводимые далее данные показывают, что они не сопровождаются столь же высокими показателями участия в жизни местного сообщества. Это означает, что язык в данном случае выступает скорее необходимым условием интеграции, чем ее достаточным основанием. Русский язык облегчает коммуникацию и снижает барьеры повседневного взаимодействия, но сам по себе не формирует глубокую социокультурную включенность.

Следовательно, результат о широком распространении высоких языковых самооценок следует трактовать двояко. С одной стороны, он подтверждает наличие мощного интеграционного ресурса, отличающего постсоветскую миграцию от многих иных миграционных потоков. С другой стороны, он выявляет ограниченность узко лингвистических подходов к интеграции, если они не дополнены анализом идентичности, культурного участия и жизненных стратегий.

Участие в жизни местного сообщества

Участие в мероприятиях по месту жительства — наименее выраженное измерение. Из 821 ответившего регулярно участвуют 75 человек (9,1%), иногда — 267 (32,5%), не участвуют — 332 (40,4%), 147 (17,9%) ничего не знают о таких мероприятиях. Хотя бы эпизодически вовлечены 342 человека, или 41,7% ответивших.

Помимо величины показателя значима структура отрицательных ответов: почти каждый пятый ответивший не участвует не в силу отказа, а из-за неосведомленности. Это указывает на информационный, а не мотивационный характер значительной части барьера и согласуется с положениями Концепции о недопущении территориального обособления и включении в систему позитивных социальных связей[3] и с рамкой Стратегии государственной националь-

---

[2] О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026–2030 годы: Указ Президента Российской Федерации от 15.10.2025 № 738. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/52490 (дата обращения: 29.07.2026).

[3] Там же.

ной политики[4]. В схеме А. Эйджера и А. Стрэнг локальное участие относится к домену социальных связей, который формируется медленнее сфер достижений и требует институциональных площадок (Spencer, Charsley, 2021), а российские исследования показывают, что участие в культурных мероприятиях выступает стратегией совладания и адаптации, а не автоматическим следствием длительности пребывания (Салимгараева, 2021). Наблюдаемые 41,7% отражают, по-видимому, не «пассивность» опрошенных, а сочетание ограниченного предложения локальных форматов, дефицита информации о них и ресурсных ограничений занятого населения; прямая проверка этих объяснений на имеющихся данных невозможна.

Межгрупповые социальные контакты

Структура круга общения в свободное время (n = 821) такова: 284 человека (34,6%) общаются с россиянами и земляками примерно поровну, 190 (23,1%) — в основном с россиянами, 186 (22,7%) — в основном с земляками, 114 (13,9%) — с семьей, живущей в России, 21 (2,6%) — с приезжими из других стран, 26 (3,2%) почти ни с кем не общаются. Смешанный или преимущественно российский круг общения характерен, таким образом, для 474 человек, или 57,7% ответивших.

Уровень межгруппового контакта заметно выше того, который можно было бы ожидать при наблюдаемом локальном участии. Это расхождение относится к числу основных результатов: контакты с принимающим населением складываются преимущественно вне организованных форматов — на работе, по месту жительства, в кругу знакомых. Косвенным подтверждением является и то, что респонденты активно используют оба канала поддержки (с учетом возможности множественного выбора). Так, 55,2% опрошенных обращаются к местным жителям, а 54,1% — к соотечественникам. Эти цифры свидетельствуют о том, что данные стратегии не исключают, а гармонично дополняют друг друга. Такая конфигурация отвечает транснациональной перспективе, в которой связи внутри своей группы не противопоставляются включению в принимающее общество (Portes, 1999), и предупреждает от вывода о «замкнутости» мигрантских сообществ; различение социального и культурного аспектов интеграции (Варшавер, Рочева, 2016) получает здесь эмпирическое подтверждение.

Культурное «мостостроительство»

Практики приглашения россиян на собственные праздники и культурные события распространены шире, чем участие в мероприятиях местного сообщества. Из 822 ответивших 340 человек (41,4%) приглашают россиян иногда, 122 (14,8%) — часто, 188 (22,9%) — никогда, а 172 (20,9%) указали, что праздников не проводят. Суммарно приглашают иногда или часто 462 человека, или 56,2% ответивших.

Отрицательные ответы и здесь неоднородны: пятая часть респондентов не приглашает никого не из-за закрытости, а потому что не проводит праздников, и эта категория не должна смешиваться с отказом от контакта. Индикатор фикси-

[4] О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2036 года: Указ Президента Российской Федерации от 25.11.2025 № 858 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202511250024 (дата обращения: 29.07.2026).

рует двунаправленность культурного взаимодействия: инициатива исходит от мигранта, а адресатом выступает принимающее население; в логике модели Дж. Берри это не является ни сепарацией, ни ассимиляцией (Berry, 1997). Вместе с тем данные не показывают, принимались ли приглашения: измерена инициатива, а не состоявшийся контакт. Индикатор дополняет линию исследований, где культурное участие рассматривается как канал адаптации (Салимгараева, 2021), смещая акцент с посещения мероприятий принимающего общества на встречное приглашение.

Долгосрочные ориентации и гражданство

Долгосрочная перспектива семьи (n = 783) распределена с преобладанием ориентации на закрепление: 516 респондентов (65,9%) хотели бы всей семьей остаться в России, 132 (16,9%) — вернуться на родину, 41 (5,2%) — переехать в третьи страны. Расщепленные семейные сценарии редки: 23 респондента (2,9%) предполагают возвращение родителей при том, что дети останутся в России, по 12 (по 1,5%) — обратные комбинации; 37 (4,7%) затруднились ответить, 10 (1,3%) указали на отсутствие детей. Желание получить российское гражданство выразили 579 из 821 ответившего (70,5%), не хотели бы его получать 103 (12,5%), затруднились ответить 139 (16,9%).

Сопоставление с уровнем локального участия (41,7%) обнаруживает главную асимметрию массива: намерение остаться выражено существенно сильнее повседневной включенности по месту жительства. Из этого не следует, что заявленные ориентации реализуются: опросы в московском регионе показывают чувствительность установок на оседание к внешней конъюнктуре (Флоринская, 2023), а самоотчет о планах не эквивалентен поведению. Корректная формулировка — в массиве фиксируется потенциал долгосрочного закрепления при отставании локальных форм участия. Редкость расщепленных сценариев (в сумме 6,0%) не подтверждает представления о массовой стратегии «дети остаются, родители возвращаются»: доминирует семейное решение. Сводка пяти измерений с указанием баз приведена в таблице 2.

Таблица 2
Table 2

Пять измерений социокультурной интеграции: индикаторы, базы, доли
Five Dimensions of Sociocultural Integration: Indicators, Bases, and Shares

Измерение	Индикатор	База	Число, чел.	Доля,%
Языковые ресурсы (оценки 4–5 по шкале 1–5)	Понимание	826	731	88,5
	Разговорная речь	826	664	80,4
	Чтение	824	601	72,9
	Письмо	826	520	63,0
Участие в жизни местного сообщества	Регулярно	821	75	9,1
	Иногда	821	267	32,5
	Не участвуют	821	332	40,4
	Не знают о мероприятиях	821	147	17,9
	Сводный индикатор: регулярно или иногда	821	342	41,7

Окончание таблицы 2

Измерение	Индикатор	База	Число, чел.	Доля,%
Межгрупповые социальные контакты	Россияне и земляки поровну	821	284	34,6
	В основном россияне	821	190	23,1
	В основном земляки	821	186	22,7
	Преимущественно семья	821	114	13,9
	Приезжие из других стран	821	21	2,6
	Почти ни с кем	821	26	3,2
	Сводный индикатор: смешанный или российский круг	821	474	57,7
Культурное «мостостроительство»	Приглашают иногда	822	340	41,4
	Приглашают часто	822	122	14,8
	Никогда не приглашают	822	188	22,9
	Не проводят праздников	822	172	20,9
	Сводный индикатор: иногда или часто	822	462	56,2
Долгосрочные ориентации	Всей семьей закрепиться в России	783	516	65,9
	Всей семьей вернуться на родину	783	132	16,9
	Всей семьей переехать в третьи страны	783	41	5,2
	Расщепленные семейные сценарии (три варианта)	783	47	6,0
	Затруднились ответить или нет детей	783	47	6,0
	Желают получить гражданство России	821	579	70,5
	Не желают	821	103	12,5
	Затрудняются ответить о гражданстве	821	139	16,9

Примечание. Данные собраны автором в ходе опроса. Разница в цифрах объясняется тем, что мы не проводили процедуру восстановления пропущенных значений. Сводные индикаторы получены объединением категорий одного вопроса и использованы далее в пилотажных межстрановых сопоставлениях.

Межстрановые различия в измерениях социокультурной интеграции

Межстрановое сравнение выполнено по шести бинаризованным индикаторам (табл. 3). Различия выражены для разговорного русского языка, круга общения, культурных приглашений и желания получить гражданство: во всех четырех случаях $p < 0{,}001$, что сохраняется и при разведочной поправке на множественность сравнений. Для участия в жизни местного сообщества различия не подтверждаются ($\chi^2(6) = 10{,}04$; $p = 0{,}123$), для семейного закрепления остаются погра-

ничными и при α = 0,05 значимыми называться не могут ($\chi^2(6) = 12{,}15$; p = 0,059). Величины V Крамера лежат в интервале 0,111–0,257: даже статистически выраженные различия слабы или умеренны по силе связи.

Таблица 3
Table 3

Пилотажные межстрановые сопоставления по пяти измерениям
Pilot cross-country comparisons across five dimensions

Индикатор (база)	Диапазон,%	$\chi^2(6)$	p	V	Интерпретация (разведочная)
Разговорная речь, оценки 4–5 (826)	71,4–90,3	30,47	< 0,001	0,192	Различия выражены; слабые по силе
Смешанный или российский круг общения (821)	43,7–75,0	54,20	< 0,001	0,257	Наибольшая вариативность в наборе; умеренная связь
Приглашение россиян иногда или часто (822)	47,1–74,8	22,95	< 0,001	0,167	Различия выражены; слабые по силе
Желание получить гражданство (821)	54,6–82,7	29,19	< 0,001	0,189	Различия выражены; слабые по силе
Всей семьей закрепиться в России (783)	55,6–75,2	12,15	0,059	0,125	Пограничный результат; значимым при α = 0,05 не является
Участие в местном сообществе, регулярно или иногда (821)	36,1–51,8	10,04	0,123	0,111	Различия не подтверждаются

Рассчитано автором по данным опроса; критерий χ^2 Пирсона без поправки на непрерывность, семь страновых групп, шесть степеней свободы. Оценки пилотажные: выборка неслучайная, взвешивание и контроль переменных не применялись, поэтому величины p используются как пилотажные ориентиры при описании различий в массиве, а не как оценки вероятности ошибки при случайном отборе; силу связи характеризуют величины V Крамера.

Структура различий не выстраивается по линии членства в ЕАЭС. По разговорной речи высшие значения показали граждане Казахстана (90,3%) и Молдовы (88,7%), близко к ним — Армении (87,6%), тогда как граждане Кыргызстана (75,8%) оказались ближе к гражданам Узбекистана (77,0%), Таджикистана (71,7%) и Азербайджана (71,4%). По кругу общения диапазон максимален: от 43,7% у граждан Кыргызстана до 75,0% у граждан Казахстана, при 72,8% у граждан Молдовы, не входящей в режим мобильности Союза. По культурным приглашениям наибольшее значение у граждан Армении (74,8%), наименьшее — у граждан Кыргызстана (47,1%); по желанию получить гражданство наибольший разброс также приходится на группу государств — членов ЕАЭС: 82,7% против 54,6%. Следовательно, различия внутри группы государств-членов сопоставимы с различиями между группами или превышают их.

Отнесение различий к действию правового режима некорректно и по другой причине: дизайн исследования не контролирует длительность пребывания,

образование, отрасль занятости, наличие семьи в России и историю циркулярной миграции, а сам стаж пребывания фактором интеграции не является (Эндрюшко, 2024). Часть различий может отражать структуру сетей рекрутеров, поскольку цепное рекрутирование воспроизводит характеристики тех, кто передает анкету дальше (Heckathorn, 1997). Наблюдаемая вариативность согласуется с данными о разной конфигурации мигрантских онлайн-сообществ и образов нации (Трегубова, 2023) и с результатами исследования установок мигрантов из постсоветских стран в отношении интеграционных объединений (Гребенюк, 2024). Для граждан Узбекистана — государства-наблюдателя, чьи трудовые права режимом Союза не затрагиваются[5], — полученные значения (77,0% по разговорной речи, 49,6% по кругу общения, 63,6% по желанию гражданства) согласуются с наблюдениями о структурной адаптации узбекистанцев на московском рынке труда (Леденева, Назаров, 2024). Сравнительное исследование мигрантов из Азербайджана и других постсоветских стран также фиксировало различия, не сводимые к формальному статусу страны происхождения (Эндрюшко, 2020).

Институциональный контур и повседневные практики

Полученная картина позволяет развести два уровня. Институциональный уровень образован правовыми режимами: труд без разрешения и патента для граждан Армении, Казахстана и Кыргызстана[6]; общий режим закона № 115-ФЗ с патентным порядком для прибывающих без визы граждан Азербайджана, Молдовы, Таджикистана и Узбекистана[7]; отсутствие трудовых преференций у статуса наблюдателя, которым обладают Молдова и Узбекистан[8]. Этот уровень дифференцирован жестко и не зависит от данных опроса. Повседневный уровень распределен иначе: по четырем измерениям из пяти различия между страновыми группами слабые или умеренные, а по локальному участию не подтверждаются вовсе, т.е. институциональная асимметрия не воспроизводится в виде соответствующего ей раскола практик.

Для региона опроса существенна дополнительная деталь: в течение всего полевого этапа действовало Соглашение от 12 августа 2025 г. № 77–1754, по которому патент, выданный в Москве или Московской области, применяется на территории обоих субъектов; поступления налога на доходы физических лиц по фиксированным авансовым платежам распределяются в пропорции 60% бюд-

---

[5] О статусе государства-наблюдателя при Евразийском экономическом союзе: официальная информация / Евразийская экономическая комиссия. URL: https://eec.eaeunion.org/comission/department/dep_razv_integr/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo/o-statuse-gosudarstva-nablyudatelya.php (дата обращения: 29.07.2026).

[6] Договор о Евразийском экономическом союзе (подписан в г. Астана 29.05.2014). Раздел XXVI. Трудовая миграция, ст. 96–98. URL: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/36e/Razdel-XXVI-Dogovora.pdf (дата обращения: 29.07.2026).

[7] О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации: Федеральный закон от 25.07.2002 N° 115-ФЗ (с изм. и доп.; по состоянию на 29.07.2026) // Собрание законодательства РФ. 2002. N° 30. Ст. 3032.

[8] О статусе государства-наблюдателя при Евразийском экономическом союзе: официальная информация / Евразийская экономическая комиссия. URL: https://eec.eaeunion.org/comission/department/dep_razv_integr/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo/o-statuse-gosudarstva-nablyudatelya.php (дата обращения: 29.07.2026).

жету Москвы и 40% консолидированному бюджету области, а пункты 3.1–3.4 применяются с 1 января 2026 г.[9] Территориальная привязка патента, ограничивающая перемещение работников внутри агломерации, была тем самым ослаблена уже к началу опроса. Утверждать, что соглашение повлияло на измеренные социокультурные показатели, нельзя: административных данных о его результатах в открытых источниках обнаружить не удалось, а дизайн не предусматривал сопоставления до и после его вступления в силу.

Нормативная хронология требует также пояснения. Гарантии Федерального закона от 26 июня 2026 г. № 205-ФЗ адресованы иностранным гражданам — контрактникам Вооруженных сил и участникам боевых действий; распространять их на гражданских трудовых мигрантов неправомерно, а к периоду опроса они не относятся[10]. Нормы Федерального закона от 26 июля 2026 г. № 241-ФЗ, включая требование финансовой самодостаточности и возможность аннулирования патента при недостаточности дохода, вступают в силу в основной части с 1 января 2027 г. и в период полевого исследования не действовали: это перспективный фактор, способный изменить условия закрепления, но не объяснение наблюдаемых распределений[11]. Поэтому зафиксированные 70,5% желающих получить гражданство и 65,9% ориентированных на семейное закрепление корректно читать как состояние на декабрь 2025 — март 2026 г., а не как прогноз.

Соотнесение с программными документами показывает точки применимости результатов. Требования к языковой подготовке и знанию основ законодательства[12] соотносятся с асимметрией языковых самооценок: уязвим письменный русский, а не устная коммуникация. Задача недопущения территориального обособления и включения мигрантов в систему позитивных социальных связей[13],

---

[9] Соглашение от 12 августа 2025 г. N° 77–1754 между высшими должностными лицами города федерального значения Москвы и Московской области об осуществлении иностранными гражданами трудовой деятельности на основании патентов, выданных на территории города Москвы или Московской области, и о привлечении работодателями или заказчиками работ (услуг) таких иностранных граждан к трудовой деятельности в пределах территории города Москвы или Московской области // Интернет-портал Правительства Московской области (mosreg.ru). URL: https://base.garant.ru/412614869/ (дата обращения: 29.07.2026).

[10] О внесении изменений в Федеральный закон «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» и Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации»: Федеральный закон от 26.06.2026 N° 205-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202606260065 (дата обращения: 29.07.2026).

[11] О внесении изменений в Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации»: Федеральный закон от 26.07.2026 N° 241-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202607260001 (дата обращения: 29.07.2026).

[12] О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026–2030 годы: Указ Президента Российской Федерации от 15.10.2025 N° 738. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/52490 (дата обращения: 29.07.2026).

[13] Там же.

рассматриваемая в общей рамке государственной национальной политики[14], соотносится с двумя наблюдениями: неосведомленность о локальных мероприятиях у 17,9% ответивших при смешанном или преимущественно российском круге общения у 57,7%. Дефицит, следовательно, локализован не в готовности к контакту, а в инфраструктуре участия — трактовка, согласующаяся с различением общих и специальных мер политики (Варшавер, Рочева, 2026) и с системой индикаторов, где социальные связи и культурное участие являются самостоятельными измерениями (Мукомель, Григорьева,2022).

Ограничения интерпретации

Помимо ограничений, указанных в разделе о методике, необходимо обозначить содержательные пределы выводов. Все ключевые индикаторы самооценочные, поэтому измеряются заявленные ресурсы, практики и ориентации, а не поведение; для языкового измерения отсутствует тестовая валидизация. Каждое измерение операционализировано ограниченным числом вопросов, а локальное участие и культурные приглашения — единичными, что не позволяет оценить внутреннюю согласованность. При близких по объему страновых группах агрегированные проценты не следует читать как оценки для потока в целом. Отсутствие перекрестных распределений с длительностью пребывания, образованием и отраслью занятости не позволяет проверить устойчивость межстрановых различий при их контроле — это прямая задача дальнейшего анализа. Наконец, измеренные различия не образуют шкалы «успешности» и не могут служить основанием нормативных оценок отдельных групп (Spencer, Charsley, 2021).

Заключение

В статье социокультурная интеграция трудовых мигрантов из семи постсоветских стран в Москве и Московской области охарактеризована как многомерная конфигурация, а межстрановая вариативность ее измерений оценена в институциональном контексте евразийской интеграции.

Как показало исследование, интеграция многомерна и несинхронна: языковые ресурсы и долгосрочные ориентации выражены сильнее участия в жизни местного сообщества, а межгрупповые контакты и практики культурного приглашения распространены более чем у половины ответивших. Институциональная дифференциация правовых режимов при этом не определяет конфигурацию повседневных практик, а страновая принадлежность объясняет лишь небольшую долю их вариации. Признание этой несинхронности — условие интеграционной политики, опирающейся на наблюдаемое состояние, а не на предположение о едином уровне интеграции.

Полученные результаты уточняют представление о миграции из постсоветских стран в Россию. Прежде всего они говорят о том, что традиционная схема, в которой миграция понимается как краткосрочное перемещение рабочей силы

---

[14] О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2036 года: Указ Президента Российской Федерации от 25.11.2025 № 858 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202511250024 (дата обращения: 29.07.2026).

ради заработка, не показывает значительную часть наблюдаемых ориентаций. Если 65,9% ответивших предполагают закрепление в России всей семьей, а 70,5% заявляют о желании получить российское гражданство, то предметом описания становится не краткосрочное пребывание, а структурное закрепление и повседневная интеграция.

В теоретическом отношении это указывает на продуктивность социологических моделей, дополняющих экономическую трактовку миграции анализом идентичности, символической принадлежности, жизненного планирования и культурной включенности. Евразийская интеграция в таком прочтении может рассматриваться не только как проект государств, но и как результат повседневных практик самих мигрантов, формирующих общее пространство общения, труда и социальной жизни. Иначе говоря, интеграция проявляется не только в законах и соглашениях, но и в индивидуальных решениях людей — где жить, с кем связывать будущее, какой язык использовать, как сочетать культурные лояльности и к какому правовому статусу стремиться.

Полученные данные не подтверждают представления о том, что включение мигрантов в принимающее общество обязательно предполагает культурную ассимиляцию. Высокие языковые самооценки и ориентация на долгосрочное закрепление сочетаются у опрошенных с сохранением собственных праздничных практик, к участию в которых приглашаются местные жители (56,2% ответивших). Использованный метод не дает возможности классифицировать аккультурационные стратегии в чистом виде, поэтому мы ограничились анализом наблюдаемых тенденций. Выяснилось, что интеграция здесь происходит не за счет отказа от культурных особенностей, а благодаря их сосуществованию. Это вполне закономерно для постсоветских стран, где исторически переплетались разные народы и языки, создавая многообразную, а не однородную среду.

Социокультурная интеграция трудовых мигрантов из постсоветских стран в России является сложным, многомерным и внутренне противоречивым процессом. Ни одна из классических моделей — ни ассимиляционная, ни мультикультуралистская — не описывает наблюдаемую картину полностью. Более продуктивной представляется транснациональная перспектива, допускающая множественность идентичностей и одновременную включенность мигрантов в несколько социальных контекстов; в настоящей статье она используется как рамка интерпретации и не операционализирована в виде отдельного индекса.

Отдельного обсуждения требует расхождение между языковыми самооценками и культурным участием. Высокие самооценки понимания русского языка дали 88,5% респондентов, тогда как в мероприятиях по месту жительства хотя бы эпизодически участвуют 41,7% ответивших, а регулярно — 9,1%. Данный факт позволяет говорить о многослойности интеграции: ее языковой, экономический, социальный и культурный уровни не совпадают автоматически. Включенность в рынок труда может сочетаться с сохраняющейся дистанцией по отношению к символическому пространству принимающего общества. Это подтверждает продуктивность многомерных моделей интеграции.

Результаты практически формулируются в нормативно-аналитическом ключе. Федеральным органам целесообразно сместить акцент языковой политики с общего требования «владения языком» на поддержку письменной и функциональной грамотности, поскольку именно письменный русский оказался слабым звеном (63,0% против 88,5% по пониманию). Такая корректировка согласуется с Концепцией миграционной политики[15] и Стратегией государственной национальной политики[16]. Москве и Московской области целесообразно рассматривать неосведомленность о локальных мероприятиях (17,9% ответивших) как решаемую информационную задачу и развивать районные форматы участия, адресованные и мигрантам, и местным жителям; практика встречных приглашений (56,2%) указывает на собственный ресурс культурного взаимодействия, который можно поддержать, а не создавать заново. Отдельная региональная задача — мониторинг реализации уже действующего Соглашения от 12 августа 2025 г. № 77–1754, включая публикацию административных данных о его результатах, поскольку механизм создан и рассчитан до 31 декабря 2029 г.[17]. Евразийской экономической комиссии и государствам-членам целесообразно учитывать, что режим свободного движения работников не транслируется автоматически в социокультурную включенность: информационная и адаптационная поддержка требуется и гражданам государств-членов, а для граждан государств вне режима мобильности сохраняют значение издержки патентного порядка[18], тем более в перспективе изменений 2027 г.[19]

Наконец, исследование позволяет критически оценить распространенный в публичной сфере образ мигранта как «временного чужого». Применительно к опрошенному массиву более обоснованной оказывается трактовка мигранта как потенциального долгосрочного жителя, участника общего социального про-

---

[15] О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026–2030 годы: Указ Президента Российской Федерации от 15.10.2025 № 738. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/52490 (дата обращения: 29.07.2026).

[16] О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2036 года: Указ Президента Российской Федерации от 25.11.2025 № 858 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202511250024 (дата обращения: 29.07.2026).

[17] Соглашение от 12.08.2025 № 77–1754 между высшими должностными лицами города федерального значения Москвы и Московской области об осуществлении иностранными гражданами трудовой деятельности на основании патентов, выданных на территории города Москвы или Московской области, и о привлечении работодателями или заказчиками работ (услуг) таких иностранных граждан к трудовой деятельности в пределах территории города Москвы или Московской области // Интернет-портал Правительства Московской области (mosreg.ru). 2025. 29 августа. URL: https://base.garant.ru/412614869/ (дата обращения: 29.07.2026).

[18] О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации: Федеральный закон от 25.07.2002 № 115-ФЗ (с изм. и доп; по состоянию на 29.07.2026) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3032.

[19] О внесении изменений в Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации»: Федеральный закон от 26.07.2026 № 241-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202607260001 (дата обращения: 29.07.2026).

странства и носителя сложной, многослойной идентичности. Это не устраняет проблем адаптации, неравенства или дискриминации, но требует иного теоретического и практического языка описания.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Варшавер Е. А., Рочева А. Л. Интеграция мигрантов: что это и какую роль в ее осуществлении может играть государство // Журнал исследований социальной политики. 2016. Т. 14, № 3. С. 315–330.

Гребенюк А. А., Протасова В. А., Аверьянов А. А. Отношение трудовых мигрантов из Центральной Азии к международным интеграционным организациям на постсоветском пространстве // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2024. Т. 24, № 1. С. 107–125. DOI: 10.22363/2313–0660–2024–24–1–107–125

Леденева В. Ю., Назаров Р. Р. Социологический анализ адаптации узбекских мигрантов на московском рынке труда в условиях интеграции с ЕАЭС // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2024. Т. 17, № 3. С. 300–316. DOI: 10.21638/spbu12.2024.303

Мукомель В. И., Григорьева К. С., Монусова Г. А., Смидович Г. С., Толмачева А. Ю., Чудиновских О. С., Эндрюшко А. А. Адаптация и интеграция мигрантов в России: вызовы, реалии, индикаторы: монография / отв. ред. В. И. Мукомель, К. С. Григорьева. М.: ФНИСЦ РАН, 2022. DOI: 10.19181/monogr.978–5–89697–407–9.2022

Осадчая Г. И., Волкова О. А., Вартанова М. Л. и др. Интеграционные процессы в Евразийском экономическом союзе: социально-демографические аспекты. К 10-летию ЕАЭС: научный доклад / под общ. ред. Г. И. Осадчей. М.: ФНИСЦ РАН, 2025. DOI: 10.19181/monogr.978–5–89697–440–6.2024

Салимгараева А. Р. Стратегии совладания с жизненными трудностями трудовых мигрантов из стран СНГ в Москве // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2021. Т. 14, № 1. С. 78–94. DOI: 10.21638/spbu12.2021.105

Трегубова Н. Д., Степанов А. М., Лисицын П. П. Образы нации в социальных медиа по миграционной тематике: сравнительный анализ групп «ВКонтакте» Азербайджана, Казахстана, Кыргызстана, Узбекистана и Таджикистана // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. 2023. Т. 15, № 2. С. 398–417. DOI: 10.21638/spbu13.2023.212

Флоринская Ю. Ф. Трудовая миграция в Россию (на примере московского региона): уехать нельзя остаться // Демографическое обозрение. 2023. Т. 10, № 4. С. 69–85. DOI: 10.17323/demreview.v10i4.18809

Эндрюшко А. А. Длительность проживания и интеграция мигрантов: (не)очевидные взаимосвязи // Социологическая наука и социальная практика. 2024. Т. 12, № 2. С. 147–168. DOI: 10.19181/snsp.2024.12.2.7

Эндрюшко А. А. Интеграция в российское общество мигрантов из Азербайджана и других стран постсоветского пространства: сравнительный анализ // Социологические исследования. 2020. № 11. С. 84–95. DOI: 10.31857/S013216250009906–9

Юдина Т. Н. Факторная архитектура миграционных потоков в странах постсоветского пространства: от интеграции к турбулентности (2000–2025) // PolitBook. 2026. № 2. С. 22–44. DOI: 10.24412/2227–1538–2026–2–22–44

Ager A., Strang A. Understanding Integration: A Conceptual Framework // Journal of Refugee Studies. 2008. Vol. 21, No. 2. P. 166–191. DOI: 10.1093/jrs/fen016

Berry J. W. Immigration, Acculturation, and Adaptation // Applied Psychology. 1997. Vol. 46, No. 1. P. 5–34. DOI: 10.1111/j.1464–0597.1997.tb01087.x

Goodman L. A. Snowball Sampling // The Annals of Mathematical Statistics. 1961. Vol. 32, No. 1. P. 148–170. DOI: 10.1214/aoms/1177705148

Heckathorn D. D. Respondent-Driven Sampling: A New Approach to the Study of Hidden Populations // Social Problems. 1997. Vol. 44, No. 2. P. 174–199. DOI: 10.2307/3096941

Portes A., Guarnizo L. E., Landolt P. The study of transnationalism: pitfalls and promise of an emergent research field // Ethnic and Racial Studies. 1999. Vol. 22, No. 2. P. 217–237. DOI: 10.1080/014198799329468

Reichel D., Morales L. Surveying immigrants without sampling frames — evaluating the success of alternative field methods // Comparative Migration Studies. 2017. Vol. 5, No. 1. Art. 1. DOI: 10.1186/s40878–016–0044–9

Spencer S., Charsley K. Reframing 'integration': acknowledging and addressing five core critiques // Comparative Migration Studies. 2021. Vol. 9, No. 1. Art. 18. DOI: 10.1186/s40878–021–00226–4.

Vertovec S. Super-diversity and its implications // Ethnic and Racial Studies. 2007. Vol. 30, No. 6. P. 1024–1054. DOI: 10.1080/01419870701599465

REFERENCES

Varshaver, E. A., & Rocheva, A. L. (2016). Migrant integration: What is it and what role does the state play in its implementation? *The Journal of Social Policy Studies, 14*(3), 315–330. (In Russ.)

Grebenjuk, A. A., Protasova, V. A., & Aver'janov, A. A. (2024). Attitudes of labor migrants from Central Asia to international integration organizations in the post-Soviet space. *RUDN Journal of International Relations, 24*(1), 107–125. (In Russ.). https://doi.org/10.22363/2313–0660–2024–24–1–107–125

Ledenjova, V. Yu., & Nazarov, R. R. (2024). Potential effects of integration of Uzbekistan and EAEU: Sociological dimension of state regulation of labor migration. *Bulletin of Saint Petersburg University. Sociology, 17*(3), 300–316. (In Russ.). https://doi.org/10.21638/spbu12.2024.303

Mukomel', V. I., Grigor'eva, K. S., Monusova, G. A., Smidovich, G. S., Tolmacheva, A. Yu., Chudinovskikh, O. S., & Jendrjushko, A. A. (2022). *Adaptation and integration of migrants in Russia: Challenges, realities, indicators: Monograph* (V. I. Mukomel' & K. S. Grigor'eva, Eds.). Moscow : FNISC RAN. (In Russ.). https://doi.org/10.19181/monogr.978–5–89697–407–9.2022

Osadchaja, G. I., Volkova, O. A., Vartanova, M. L., et al. (2025). *Integration processes in the Eurasian Economic Union: Socio-demographic aspects. To the 10th anniversary of the*

EAEU: Scientific report (G. I. Osadchaja, Ed.). Moscow : FNISC RAN. (In Russ.). https://doi.org/10.19181/monogr.978–5–89697–440–6.2024

Salimgaraeva, A. R. (2021). Coping strategies of labor migrants from CIS countries. *Bulletin of Saint Petersburg University. Sociology, 14*(1), 78–94. (In Russ.). https://doi.org/10.21638/spbu12.2021.105

Tregubova, N. D., Stepanov, A. M., & Lisitsyn, P. P. (2023). The images of the nation in migrant social media: A comparative analysis of VKontakte groups from Azerbaijan, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan, and Uzbekistan. *Bulletin of Saint Petersburg University. Oriental and African Studies, 15*(2), 398–417. (In Russ.). https://doi.org/10.21638/spbu13.2023.212

Florinskaja, Yu. F. (2023). Labor migration to Russia (using the example of the Moscow region): You can't leave and stay. *Demographic Review, 10*(4), 69–85. (In Russ.). https://doi.org/10.17323/demreview.v10i4.18809

Jendrjushko, A. A. (2020). Benchmarking in integration of migrants from Azerbaijan and other post-Soviet countries. *Sociological Studies, 11,* 84–95. (In Russ.). https://doi.org/10.31857/S013216250009906–9

Jendrjushko, A. A. (2024). Duration of stay and the integration of migrants: (Un)obvious relationships. *Sociological Science and Social Practice, 12*(2), 147–168. (In Russ.). https://doi.org/10.19181/snsp.2024.12.2.7

Yudina, T. N. (2026). Factorial architecture of migration flows in the post-Soviet space: From integration to turbulence (2000–2025). *PolitBook, 2*, 22–44. (In Russ.). https://doi.org/10.24412/2227–1538–2026–2–22–44

Ager, A., & Strang, A. (2008). Understanding integration: A conceptual framework. *Journal of Refugee Studies, 21*(2), 166–191. https://doi.org/10.1093/jrs/fen016

Berry, J. W. (1997). Immigration, acculturation, and adaptation. *Applied Psychology, 46*(1), 5–34. https://doi.org/10.1111/j.1464–0597.1997.tb01087.x

Goodman, L. A. (1961). Snowball sampling. *The Annals of Mathematical Statistics, 32*(1), 148–170. https://doi.org/10.1214/aoms/1177705148

Heckathorn, D. D. (1997). Respondent-driven sampling: A new approach to the study of hidden populations. *Social Problems, 44*(2), 174–199. https://doi.org/10.2307/3096941

Portes, A., Guarnizo, L. E., & Landolt, P. (1999). The study of transnationalism: Pitfalls and promise of an emergent research field. *Ethnic and Racial Studies, 22*(2), 217–237. https://doi.org/10.1080/014198799329468

Reichel, D., & Morales, L. (2017). Surveying immigrants without sampling frames — Evaluating the success of alternative field methods. *Comparative Migration Studies, 5*(1), Art. 1. https://doi.org/10.1186/s40878–016–0044–9

Spencer, S., & Charsley, K. (2021). Reframing 'integration': Acknowledging and addressing five core critiques. *Comparative Migration Studies, 9*(1), Art. 18. https://doi.org/10.1186/s40878–021–00226–4

Vertovec, S. (2007). Super-diversity and its implications. *Ethnic and Racial Studies, 30*(6), 1024–1054. https://doi.org/10.1080/01419870701599465

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Татьяна Николаевна Юдина, д-р социол. наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт социальной демографии Федерального исследовательского социологического центра Российской академии наук, г. Москва, Россия.

Tatyana N. Yudina, Dr. Sci. (Sociological), Professor, Chief Researcher, Institute of Social Demography, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Статья поступила в редакцию 25.06.2026;
одобрена после рецензирования 15.09.2026;
принята к публикации 15.09.2026.
The article was submitted 25.06.2026;
approved after reviewing 15.09.2026;
accepted for publication 15.09.2026.